

Шестнадцать лет. Я наконец-то смог вернуться домой, даже не успев толком разобраться с делами за границей.

В аэропорту меня встретил старший дядя. Глубоко вздохнув, я понял: никакой воздух в мире не сравнится с этим. Я дома, я наконец вернулся в Юси. Даже если бы мне пришлось дышать здесь ядовитым газом, я бы не променял это место ни на что другое. Дядя без умолку болтал, расспрашивая о жизни за рубежом, а я лишь нацепил дежурную улыбку и отвечал невпопад.

Он говорил слишком гладко, почти без пауз. Я заподозрил, что он заранее подготовил речь и заучил её наизусть. Глядя на свое отражение в зеркале заднего вида, я усмехнулся с презрением: чисто и аккуратно.

Решил задобрить меня? Когда меня отправляли прочь, никто из вас не проявлял такого рвения.

По пути мы проезжали мимо того самого похоронного бюро, и нахлынули воспоминания — призрачные, как дым. Я поднял глаза, вглядываясь в здание, что промелькнуло совсем рядом, а затем внезапно осталось позади. Простите мне моё плохое зрение: оно медленно расплывалось, исчезая. Я невольно задумался: если бы мне пришлось выбирать снова, стал бы я колебаться? Стал бы я спрашивать себя, стоит ли вообще туда входить?

Именно этот выбор сковал меня на шестнадцать лет. Я до сих пор не понимаю, как то решение повлияло на мой дальнейший путь. Если бы в тот день я не вошел, а просто провел обычный скучный день на занятиях, я бы не встретил Мо Юя, Цзян Мэнци и ту, что смотрит на меня с фотографии — Цзян Синькэ...

Я дома. Снова один. С тяжелыми сумками я переступил порог полуразрушенного, неуютного дома. Здесь больше никого нет. Никто не ждет, чтобы поприветствовать меня. Родители, родственники, друзья — все они ушли... Отец пропал много лет назад из-за дела об убийстве, а несколько месяцев назад не стало матери. Я не был на похоронах. Собственно, именно ради этого я и вернулся, но, кажется, опоздал. Я не плакал. Не знаю почему, но в глубине души чувствовал, что она не стоит моих слез.

Ведь именно она настояла на том, чтобы отправить меня прочь. Она была мастером интриг: исчезновение отца — её план, моя ссылка — тоже её рук дело. Я верю, что и её смерть — тщательно срежиссированная постановка. Она не могла умереть! И она, и отец были всемогущи. Они наверняка манипулируют всем ради какого-то далекого будущего.

Похороны матери организовал дядя, меня там не было. Пусть называют меня неблагодарным, но я предпочитаю верить, что это лишь часть их большой игры. Я ждал несколько месяцев, прежде чем вернуться, надеясь услышать радостную весть, что они живы. Но чуда не случилось. Позже я начал обманывать сам себя, убеждая, что она просто устала, решила отдохнуть, почувствовала одиночество и ушла на поиски отца.

Без привычной суеты матери дом казался чужим. Открыв дверь, я по привычке крикнул: Мама, я дома. В ответ — тишина. Я прошелся по комнатам, пытаюсь отыскать крупички давно забытых

воспоминаний, пока в одной из них не наткнулся на фотографию в рамке. Это был всего лишь портрет умершего. Да, просто фото, покрытое таким толстым слоем пыли, что цветной снимок казался старой серой карточкой. В университете я боялся возвращаться, не хотел смотреть правде в глаза, теша себя иллюзией, что мать еще жива. Сбросив груз с души, я коснулся холодного снимка — никакого тепла. Совсем не то лицо, которое я помнил. Мои пальцы тут же почернели от пыли.

— Исчезла...

Я долго сидел на пыльном диване, глядя в одну точку, а потом принялся искать тряпку. И пока искал, не переставал ненавидеть себя: дом, в котором я рос столько лет, а я не могу найти даже ветошь? От злости я пнул стол, но тот даже не шелохнулся, а вот мой палец, кажется, был сломан. Никчемный, я снова повалился на накрытый белой тканью диван и уставился в потолок. Не знаю, сколько прошло времени, но я уснул.

Ушли. Все ушли...

Голос затихал вдали. Когда я проснулся, то обнаружил, что стою на плитах из синего камня. После дождя они были скользкими, а в центре — гладкими от тысяч шагов. Вокруг ни души, лишь редкие капли дождя беспорядочно били меня по щекам, сопровождая на этой тропе. Я чувствовал странную тревогу, но вместе с тем — неизъяснимую легкость и облегчение.

В нос ударил тонкий аромат чая лунцзин, заполнив разум ясностью. Я почувствовал присутствие человека. Здесь, вдали от шумных улиц, определенно был тот, кого я так отчаянно искал! Я прошел сквозь старинный переулок, касаясь пальцами обветшалых стен, похожих на лицо старца, познавшего горести мира. Не знаю почему, но я вспомнил мать. Внешне блистательная, наедине с собой она не могла скрыться от когтей времени. Только тогда можно было увидеть её истинное лицо — лицо, на котором годы оставили свой след, не меньше, чем на этих стенах. Переулок тянулся вдаль, словно прожитая жизнь: конца не видно, но знаешь, что он есть. По обе стороны высились деревянные арки, хранящие следы былой роскоши и перемен истории.

Миновав старый мост и черепичные крыши, я вышел к маленькой чайной лавке.

У реки, на веранде, я увидел флаг с иероглифом Чай, старые плетеные кресла и расставленные столы. Дым от очага окутал меня, и я словно погрузился в призрачный туман.

Звучала музыка пипы, сопровождаемая знакомым мотивом оперы. Юная девушка в ципао перебирала струны, скрестив стройные ноги. Я не знал её, но в голове возник образ Цзян Мэнци — я не видел её много лет, и это вызвало легкую ностальгию.

На красном деревянном стуле рядом сидел человек. Первой мыслью было: как же он мне знаком. Туман скрывал его лицо, но передо мной стоял чайник и две крошечные чашки. Он методично наливал чай в свою чашку, а вторую ставил перед пустым стулом напротив. Неторопливый, изящный, каждое его движение выдавало особую породу. Я не мог разглядеть

его лица, но как же мне хотелось, чтобы время остановилось. Я не хотел приближаться, но и не мог уйти — я просто хотел молча смотреть на него.

Я понимающе улыбнулся. В этот момент молчание было самым красивым обетом. Кажется, я догадывался, кто это. Сердце разрывалось от противоречий: как мне предстать перед ним? Я, всегда обладавший железной выдержкой, сейчас рассыпался на глазах, забыв, как нужно держать руки, куда смотреть, как дышать.

Я стал таким простым, совсем не похожим на себя.

— Я, Сюй Тай, никогда не знал, что такое сомнения, — я расправил плечи, завел руки за спину и сделал первый уверенный шаг. С этого момента меня было не остановить. Чем ближе я подходил, тем чаще билось сердце, но походка становилась лишь тверже.

— Давно не виделись. Прости, что не встретил, — он сделал глоток чая и мягко поставил чашку — ни звука. Посмотрел на меня, уголки его губ приподнялись в первой на моей памяти улыбке. — Молодой господин вырос. Словно нефрит во плоти.

Я лишь смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова, а глаза почему-то защипало. Я смотрел на человека, давшего мне клятву, на того, кого ждал шестнадцать лет. Внутри бушевал шторм эмоций. Но зачем я так бурно реагирую? Я ударил по столу, вскочив, чашки испуганно звякнули, а этот ледяной человек продолжал невозмутимо пить чай. Увидев мои покрасневшие глаза, он молча ждал, пока упадет первая слеза. Я изо всех сил сдерживался, опустив голову — не хотел, чтобы он видел мою слабость. Он безмолвствовал, глядя на меня, а затем, наконец, заговорил. Он обнял меня, растопив мое сердце, израненное за шестнадцать лет одиночества.

— Хочешь плакать — плачь. Хватит притворяться сильным столько лет. Я уже привык к тому, как ты прижимаешься ко мне, когда плачешь, — его холодные слова ударили прямо по больному. Верно, я больше не мог сдерживать обиду, накопленную за шестнадцать лет. В этом сне я плакал искренне, как ребенок. Слезы падали прямо в чай. Не знаю, каков на вкус горький слезный чай — я никогда такого не пробовал.

Он тоже встал. Когда-то он казался мне великаном, теперь же был ненамного выше. Его рост, статная фигура, пронзительный взгляд — всё это было пропитано уникальной нежностью ко мне. Он убрал легкую улыбку, вновь став тем самым холодным и отстраненным человеком, каким я его помнил. Мы замерли. Вдруг он протянул свои длинные, холодные пальцы.

Я уже знал, что его руки лишены тепла, но сейчас, когда он вытирал слезы с моих глаз, я был ошеломлен.

Я больше не мог сдерживаться. На самом деле, я и сам не понимал, почему ребенок, ставший за шестнадцать лет бесчувственным, вдруг плачет. Но в момент встречи с Мо Юем я был вне себя от радости. Я рассмеялся сквозь слезы и схватил его за руку. Он, казалось, удивился, хотя лицо осталось бесстрастным, но рука слегка дрогнула.

Преодолевав природную нелюдимость, он неловко улыбнулся, обнял меня со спины и прошептал на ухо:

— Прости, что опоздал. Я заслуживаю наказания.

Я молча кивнул. Возможно, он был моим единственным родным человеком. В этот миг я вернулся домой — не просто как бездушная оболочка, но и как сердце, которое считало себя бездомным.

Первая встреча с Мо Юем во сне. Его первая улыбка для меня. Мои первые слезы перед ним.

— Господин Шанцин... я вырос. Я вернулся.

— Да... Я ждал, когда ты вырастешь, чтобы мы могли вместе пройти этот путь.

Я потянул его за рукав. Он не сопротивлялся и пошел за мной, не спеша. Мы проходили по каменному мосту, я обернулся, чтобы взглянуть на него, но обнаружил, что позади меня уже не Мо Шанцин.

— Мо Шанцин! — в панике закричал я.

В моих руках была лишь безжизненная туша без кожи, завернутая в белую ткань. Да, это была она. Мо Юй вернулся, Цзян Синькэ, куклы-предки, Сюй Хо, чжангуи — все они вернулись. Кукла-предок, облаченная в содранную кожу Цзян Синькэ, вцепилась кровавыми руками мне в горло, заставляя задыхаться.

Я вернулся! Снова эта тень, от которой невозможно убежать.

Я отчаянно пятился, спотыкаясь на каждом шагу. Перевалился через перила и рухнул в реку. Вода с шумом сомкнулась над головой. Резкий запах ударил в нос, я пошел ко дну, не в силах открыть глаза. Я пытался барахтаться, но тело не слушалось. Я умел плавать, но сейчас был совершенно обессилен. Постепенно чувства притупились, борьба прекратилась, и я позволил себе погрузиться в бездну. Вокруг было темно и гнетуще. В сердце не осталось ни капли надежды. Пусть всё закончится здесь.

— Господин Шанцин... где ты...

Я тяжело дышал, приходя в себя. Я всё еще был в пустой комнате, никуда не уходил. Здесь не было ни Мо Юя, ни Цзян Синькэ, ни кукол. Я вздохнул, не зная, разочарован я или рад: разочарован, что не встретил Мо Шанцина, или рад, что сбежал от погони куклы? Но разве это важно? Радость или печаль — всё это было лишь сном.

Я продолжал лежать, одержимый той улицей — всё более четкой, всё более знакомой. Мысли были заняты лишь нежностью Мо Юя. Я шептал имя Мо Шанцина:

— Господин Шанцин... где же ты...

<http://bllate.org/book/22324/2338170>